

— Да, — подхватил уездный начальник с мрачным и растерянным видом, — сразу после возвращения с горы господин инспектор образования приехал прямо в уездное управление. Только тогда я и узнал, что этот негодяй натворил!

— А кто он такой? — наконец спросил Вэнь Жунь, указывая на юношу.

— Мой шурина, — вздохнул уездный начальник с горечью. — Иначе бы он и не имел доступа к списку новых цзюйжэней.

— Хе-хе... — Вэнь Жунь лишь фальшиво усмехнулся.

Ясно было: он злился.

И как не злиться? На его месте разве кто не разозлился бы?

В прошлой жизни, в современном обществе, с Вэнь Жунем уже случалась похожая история. Много лет назад один человек сдал экзамены в университет, но так и не получил уведомления о зачислении, решив, что провалился, и ушёл работать. А на самом деле его место занял мошенник, который пошёл учиться вместо него.

Позже правда вскрылась, и всем подделывателям досталось по заслугам!

С тех пор при поступлении и зачислении каждый год тщательно сверяют паспортные данные и фотографии.

Но в древности таких технологий ещё не существовало! Как тут проверишь подлинность?

Либо рядом есть знакомые, которые могут поручиться за тебя, либо надейся только на честность и пронизательность вышестоящих чиновников. Увы, Вэнь Жуню не повезло с чиновниками...

Зато ему повезло с господином Чжаном: тот вовремя заподозрил неладное и приехал всё проверить.

И вот, в ходе проверки, шурина уездного начальника был разоблачён. А сам уездный начальник попал в крайне неловкое положение.

Ведь это же его собственный шурина! Кто поверит, будто он ни при чём?

Теперь Вэнь Жунь и понял, зачем супруга уездного начальника появилась в храме Да Сянь. Конечно, она пришла не просто помолиться и сжечь благовония — главной целью было

перехватить его, заговорить, возможно, предупредить или даже уговорить.

Как именно она собиралась действовать и что хотела сказать — осталось загадкой. Ведь советник Мао не дал ей договорить, и Вэнь Жунь так и не узнал её замысла.

Тут в разговор вмешался советник Мао:

— Дело уже свершилось, но, к счастью, он пока ничего не сделал, что могло бы опорочить доброе имя учёного Вэня.

— Просто не успел! — резко оборвал его господин Чжан. — Все новые цзюйжэни обязаны несколько месяцев учиться в префектурной академии, чтобы наставники могли оценить их уровень знаний. А этот юнец сразу выдал себя: его сочинения и рассуждения — полная чушь, ни сном, ни духом не похожи на то, что должен писать настоящий учёный!

Господин Чжан Сянь не стал говорить вслух того, что думал: он даже усомнился, действительно ли этот парень сам сдал экзамены на звание сьюйца. Если бы он не проверил его старые экзаменационные работы, дело, возможно, так и не раскрылось бы столь быстро — но теперь уже поднялся настоящий переполох.

Даже сам префект в ярости — весь префектурный аппарат «взорвался», как говорят, «в храме».

Более того, господин Чжан уже решил заменить нынешнего уездного начальника на кого-то из «своих».

Сложив воедино все обстоятельства, он и приехал сюда лично.

Вэнь Жунь ничего об этом не знал, но чувствовал: его шанс настал!

— Значит, я теперь официально имею звание цзюйжэня? — уточнил он, чтобы убедиться.

— Конечно! — ответил Чжан Сянь. — То, что принадлежит тебе по праву, не может быть украдено. Помнишь стихотворение, которое ты сочинил на провинциальных экзаменах?

Провинциальные экзамены (сянши) проводились под надзором назначенных центральным правительством академиков из Академии Ханьлинь и членов Императорской секретариатской палаты, которые выступали в роли главного и заместителя главного экзаменаторов. Испытания включали в себя толкование «Четырёх книг» и «Пяти канонов», ответы на вопросы по государственным делам, сочинение восьмигранной прозы (ба-гу) и другие задания — точный перечень предметов варьировался в зависимости от эпохи.

Инспекторы образования (сюэчжэн), такие как Чжан Сянь, не имели права руководить сянши.

Их роль сводилась лишь к наблюдению за ходом экзаменов: они присутствовали в экзаменационном зале, но не участвовали в проверке работ. Ведь их основная обязанность — проводить уездные экзамены (юаньши), на которых отбирали суйцаев, а также контролировать работу преподавателей в уездных и префектурных школах.

Если бы господин Чжан не инспектировал префектурную академию, он, возможно, и не узнал бы о подмене.

Вэнь Жунь чётко и громко ответил:

— На первом дне экзамена требовалось написать по одной статье из «Лунь Юй», «Чжун Юн», «Да Сюэ» и «Мэн Цзы», одно пятистишие с восемью рифмами, а также четыре толкования канонов. На каждое из трёх заданий по «Четырёх книгам» требовалось не менее двухсот иероглифов, а на каждое из четырёх заданий по канонам — не менее трёхсот. На второй день, двенадцатого числа, экзаменуемый писал сочинение по одному из «Пяти канонов» и одно из официальных документов: указ, судебное решение, мемориал или декрет — с объёмом не менее трёхсот знаков. На третий день, пятнадцатого числа, следовало сочинить пять рассуждений по текущим государственным делам, опираясь на канонические тексты.

Из содержания экзаменов ясно: конфуцианская классика была ядром всей императорской экзаменационной системы.

А стихотворение проверяло именно живое поэтическое дарование кандидата.

Его прежнее «я» тогда написало вот такое стихотворение:

«Возвращение домой под конец года»

Бесконечна любовь матери к сыну,

Радость — вернуться домой в срок, к празднику.

Игла в её руках шьёт тёплую одежду,

Строчки в письме — свежи, как будто вчерашние.

Лишь встретив, жалеет: «Как ты похудел!»

Зовёт, спрашивает о трудностях пути.

Склонив голову, сын стыдится пред нею —

Не смеет сетовать на ветер и пыль дорог.

Смысл стихотворения таков: материнская любовь безгранична, и величайшая радость для неё — увидеть сына, вернувшегося домой к празднику. Она с любовью шьёт ему тёплую одежду, а письма её полны свежих чернильных строк. При встрече она сразу замечает, как он исхудал, и с тревогой спрашивает о трудностях пути. А сын, чувствуя перед ней вину, не решается жаловаться на тяготы странствий.

На самом деле мать прежнего «я» умерла очень рано. Он завидовал тем, у кого есть заботливая мать, и, полный этой тоски, сочинил именно такое стихотворение.

Вэнь Жунь тихо продекламировал его, затем добавил с горечью:

— Моя мать давно покинула этот мир... Видя, как другие получают от матерей заботу и подарки, ученик всегда чувствовал зависть... Если бы мать была жива, никто не посмел бы так со мной поступить...

Он и без того был худощав, а в простом синем халате выглядел ещё более хрупким. Молодой возраст и искренняя боль в голосе делали его особенно жалким на вид.

Но в его взгляде светилась твёрдость — видно было, что перед вами истинный учёный, обладающий нравственной стойкостью и достоинством.

Именно таких людей господин Чжан ценил больше всего.

— Отлично, — одобрительно кивнул он, поглаживая бороду. — Вэнь Жунь, твоё звание цзюйжэня я возвращаю тебе. А что до убытков, которые ты понёс...

Он перевёл взгляд на уездного начальника Юнниня.

Тот тут же поспешил сказать:

— Господин цзюйжэнь Вэнь! Я лично возьму вам... убытки.

Слово «возьму» давалось ему с трудом, но раз его поймали за руку — отвертеться было невозможно.

Господин Чжан, хоть и не имел формального ранга, обладал властью, сравнимой с императорским уполномоченным: любой чиновник обязан был относиться к нему как к вышестоящему.

К тому же они принадлежали к разным политическим лагерям. Хотя верхи пока не придавали этому особого значения, уездный начальник не хотел демонстрировать слабость. Теперь, когда его ошибка вышла наружу, это стало чёрным пятном в карьере. Единственное, на что он мог надеяться, — чтобы Вэнь Жунь не стал настаивать на дальнейшем разбирательстве. Лучше уж откупиться деньгами, чем потерять должность и будущее.

Сам же господин Чжан не стремился доводить дело до конца. Слишком жёсткое давление могло вызвать обратную реакцию. Ему достаточно было просто убрать этого уездного начальника и освободить место для своего человека.

Что до Вэнь Жуна — он пока не думал ни о чём серьёзном. Просто спас одного молодого цзюйжэня — и ладно.

Однако внутри Вэнь Жунь уже обдумывал возможные шаги. Но сразу соглашаться на компенсацию было бы недостойно — это лишило бы его «духа учёного». Поэтому он нарочито задумался, словно взвешивая решение.

Тем временем юноша, всё ещё стоявший на коленях, в ужасе ждал, что Вэнь Жунь потребует полного возмездия.

— Господин цзюйжэнь! — воскликнул он дрожащим голосом. — Пожалуйста, не преследуйте меня! Я... я тоже возмещу вам убытки! Простите меня хоть раз! У меня уже отобрали звание суйцяя...

Он искренне сожалел, но раскаяние уже ничего не могло изменить.

Вэнь Жунь, однако, задал ему другой вопрос:

— Сколько ты заплатил моему дяде? И тому Ван Дачжи?

Юноша опешил:

— Ну... после удачи я их наградил... по сто лянов каждому...

Дело удачно завершилось — он был доволен и щедро раздал каждому по сотне свеженьких серебряных слитков по десять лянов.

— Щедро! — усмехнулся Вэнь Жунь, но в глазах его не было и тени улыбки.